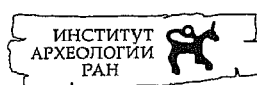

Российская академия наук
Институт археологии

Т Р У Д Ы
II (XVIII)
ВСЕРОССИЙСКОГО
АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
СЪЕЗДА
в Суздале

Том II

Ответственные редакторы
Академик А.П. Деревянко
Член-корреспондент РАН Н.А. Макаров

Москва 2008

УДК 902/904

ББК 63.3

Т78

Организация II (XVIII) Всероссийского археологического съезда и издание трудов осуществлены при финансовой поддержке Президиума РАН, Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ, проект № 08-01-14001 г.) и Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ, проект № 08-06-06098 г.).

Утверждено к печати Ученым советом Института археологии РАН

Редакционная коллегия

Х.А. Амирханов, Л.А. Беляев, П.Г. Гайдуков, А.Н. Гей, Е.Г. Дэвлет, В.И. Завьялов, С.Д. Захаров, Л.В. Кольцов, Д.С. Коробов, Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке, Н.В. Лопатин, Н.А. Макаров, М.Б. Медникова, М.Г. Мошкова, А.М. Обломский, В.Е. Родинкова, А.Ю. Скаков, А.В. Чернецов, С.З. Чернов, А.В. Энговатова

Труды II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. Т. II. – М.: ИА РАН, 2008. – 560 с.: ил.

*Определение костных остатков из раскопа 39 провела к.и.н., зам. директора НИИ археологии Нижнего Поволжья при ВолГУ Л.В. Яворская.

** В настоящее время статья, где рассматривается данная проблема, готовится к печати: Курочкина С.А. Отпечатки пальцев гончаров на керамике (по материалам раскопа XXXIX / 2005 г. Селитренного городища).

Баллод Ф., 1998. Старый и Новый Сарай, столицы Золотой Орды (Результаты археологических работ летом 1922 года) // Татарская археология. № 2 (3).

Петрушевский И.С., 1960. Земледелие и аграрные отношения в Иране XIII–XIV в. М. – Л.

Пигарев Е. М., 2006. Отчет об археологических раскопках на Селитренном городище в Харабалинском районе Астраханской области в 2005 году. Астрахань.

Пигарев Е.М., 2008. Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище). Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.06. Казань.

Федоров-Давыдов Г.А., 1994. Золотоордынские города Поволжья. М.

Л.Д. Макаров

Удмуртский государственный университет, Ижевск

Средневековая Вятка в памятниках археологии

За полуторавековое исследование археологических памятников Вятской земли (XII–XV вв.) накоплен внушительный фонд источников, позволяющий реконструировать историческое прошлое одного из русских народоправств. Период, предшествующий полевым исследованиям (вторая половина XVIII – первая половина XIX в.), ознаменовался в основном описанием вятских древнерусских городищ, оставленных участниками академических экспедиций (И.И. Лепёхин, Н.П. Рычков, П.С. Паллас), столичными профессорами (Е.Ф. Зябловский, К.И. Невоструев), политическими ссыльными (А.И. Герцен), местными краеведами из числа интеллигенции – священниками (В.Е. Блинов, П.Н. Кулыгинский), чиновниками (И.В. Шишкин, В.А. Короваев), учителями (А.И. Вештомов), анонимными авторами.

За первую часть указанного периода (вторая половина XIX – первая половина XX в.) исследования древнерусских памятников региона ограничивались сборами находок и весьма ограниченными раскопками (шурфы и траншеи), которые практически не отражены ни в музейных коллекциях, ни в качественных публикациях (П.В. Алабин, П.И. Лерх, И.Е. Глушков, М.В. Банников, М.В. Малахов, П.Н. Луппов, М.В. Талицкий, Н.А. Прокошев, А.П. Смирнов, М.П. Грязнов, В.Ф. Генинг, Л.М. Еговкина, И.С. Вайнер). Лишь небольшое число материалов опубликовали А.А. Спицын, А.С. Лебедев, А.В. Збруева. Таким образом, начальный период изучения русских памятников Вятского края дал лишь небольшой задел в решении общих проблем исторического прошлого края.

Львиная доля материалов была получена во второй части этого периода (вторая половина XX в.), начатого стационарными раскопками Л.П. Гуссаковского во второй половине 1950-х гг. и И.И. Стефановой в первой половине 1960-х гг., затем продолженного автором со второй половины 1970-х гг. до 1990 г. и завершено исследованиями коллег на отдельных памятниках региона во второй половине 1980-х гг. (Н.А. Лещинская) и в 1990-е гг. (В.В. Ванчиков, Л.А. Сенникова, Н.Е. Соколова, И.Ю. Трушкова). В настоящее время, проводятся лишь охранные работы на территории посада г.Хлынова, содержащие находки не ранее XVI в. (Е.А. Кошелева).

Древнерусским объектам предшествуют памятники предков современных финно-пермских народов – удмуртов, коми, марийцев, представленные поселенческими остатками начала II тыс. н.э. На трех поселениях выявлены следы двух жилищ (поселение Искра, XII–XIII вв.) и три хозяйственные ямы (две на Никульчинском городище, X–XII вв.; одна – на Ковровском городище). Дорусский культурный слой обнаружен на Вятском городище (XI–XIII вв.), а на Пижемском и Чижевском городищах собраны находки предположительно рубежа I и II тыс. н.э.

Материальная культура древнерусских поселений бассейна Средней Вятки имеет смешанный этнокультурный облик, что доказывается финно-угорскими украшениями и находками круговой керамики с нехарактерными для славян примесями в глиняном тесте, обычными для местной прикамской посуды (толчёная раковина, органика, навоз, режешамот).

Всего на Средней Вятке учтено 46 памятников XII–XV вв.: 21 селище, 15 городищ, 7 могильников, 3 местонахождения. Степень их изученности, конечно, разная, но наиболее важные памятники исследованы достаточно широкими площадями.

Из селищ почти полностью исследованы поселения Искра (221 кв.м), Покста II (153 кв.м), Мысы IV (297 кв.м), рекогносцировке подверглись Хлыновское, Никульчинское II, Родионовское и Шабалинское поселения, на остальных 13 селищах проведена шурфовка и сбор материалов. Выявлены элементы прибрежной рядовой планировки, остатки 5 наземных жилищ с подпольными ямами и следами глинобитных печей. Найдены остатки кладбищенской православной постройки, следы изгородей, дренажного жёлоба, кузницы, хозяйственных срубов и ям. Из вещевых материалов преобладает хозяйственно-бытовой инвентарь. Керамика здесь смешанного типа с превалированием прикамских рецептур теста, довольно примитивным использованием гончарного круга, некачественным обжигом, редкой линейно-волнистой орнаментацией, наличием донных клейм фино-пермского происхождения.

Из 15 городищ 14 – мысовые, одно – овальное на высоком холме (Подчуршинское). Мысовые памятники имели небольшую площадь (до 6 тыс. кв.м) и возникали, как правило, в дорусский период. Более крупные городища (6–40 тыс. кв.м) нередко превращались в детинцы городских поселений (Вятка-Хлынов, Никулицын, Котельнич, Слободской, Орлов) и со временем обрастали посадскими кварталами. Удалось выявить особенности крепостных сооружений, эволюционировавших от наиболее архаичных частоколов (Ковровское городище) к срубным стенам, нижний этаж которых использовался под жилье и хозяйственные нужды (Ковровское, Шабалинское, Никульчинское, Хлыновское, Слободское, Подчуршинское городища), что было наиболее характерно для Южной Руси XII–XIII вв., а позднее распространилось на весь Русский Север. На позднем этапе (XV–XVIII вв.) возобладала традиция возведения укреплений в виде бревенчатожердевых клетей, забутованных глиной (Хлынов, Котельнич, Слободской, Подрелье II). Следы башен зафиксированы в Котельниче, Слободском, Коврово, Подрелье II, но по письменным источникам хорошо известны во всех городских центрах.

На городищах прослежены элементы уличной планировки (Никульчино, Хлынов, Котельнич, Орлов), причем в Хлынове выявлено 7 ярусов деревянных мостовых и дренажная система. Исследование укрепленных поселений позволило выявить 68 жилищ – 20 полуземлянок и 48 наземных домов. Осо-

бенности первых выводят нас на их южнорусские корни, но в течение XIV в. эта традиция уступает место наземному домостроительству. Выявлены также остатки печей, подпольных ям, полов, а вдоль мостовых и по границам усадеб – изгородей, калиток и ворот. Обнаружены хозяйственные постройки – сараи, хлевы, погребя, хозяйственные ямы, а также производственные комплексы – сыродутные и гончарные горны, кузницы, гончарная и медеплавильная мастерские, «глинник», сопровождающиеся соответствующими инструментами, изделиями, отходами.

На Вятской земле исследовалось 7 могильников (310 погребений) с древнерусским погребальным обрядом, впитавшим в себя языческие славянские и финно-пермские традиции на фоне бесспорно православной обрядности. Наиболее архаичные черты славянского язычества демонстрирует ранняя часть Еманаевского могильника (XII–XIII вв.), сохранившая следы языческого храма, окруженного меняющими ориентацию могилами с полной или частичной кремацией, кенотафами, захоронениями черепов, погребениями умерших с согнутыми в коленях ногами. На могильнике Покста (XIV–XV вв.) обнаружены остатки кладбищенской церкви, но при этом в захоронениях фиксировались ощутимые языческие признаки. Последние выявлены и на других некрополях (Шабалинский, Усть-Чепецкий, Никульчинский I, Хлыновский I). Единственная известная нам братская могила – Северюхинская – была раскопана, к сожалению, любителями. Судя по описаниям, был вскрыт сплошной слой из более чем 20 человеческих скелетов без черепов, лежавших отдельно. В заполнении ямы обнаружено разновременное (преимущественно золотоордынского времени) оружие, датирующееся XIII–XVI вв.

На памятниках обнаружен значительный вещевой инвентарь: производственный, хозяйственный, промысловый, бытовой, предметы вооружения, украшения, языческие и православные подвески, керамика. Анализ посуды основных 15 древнерусских коллекций с поселений Вятской земли, проведенный автором и Д.А. Салангиным (2167 сосудов), показал чрезвычайную пестроту местной керамики. Выявлено преобладание группы славяно-русской посуды на всех памятниках, а в целом она составила 72,7% всего керамического комплекса. Керамика славяно-финно-пермского облика обнаружена на всех рассматриваемых поселениях, но в целом явно уступает предыдущей группе, составляя 18,3%. Болгарская керамика найдена единично (31 фрагмент) на нескольких памятниках и явно связана с импортом в вятские города. Особо выделяется керамика

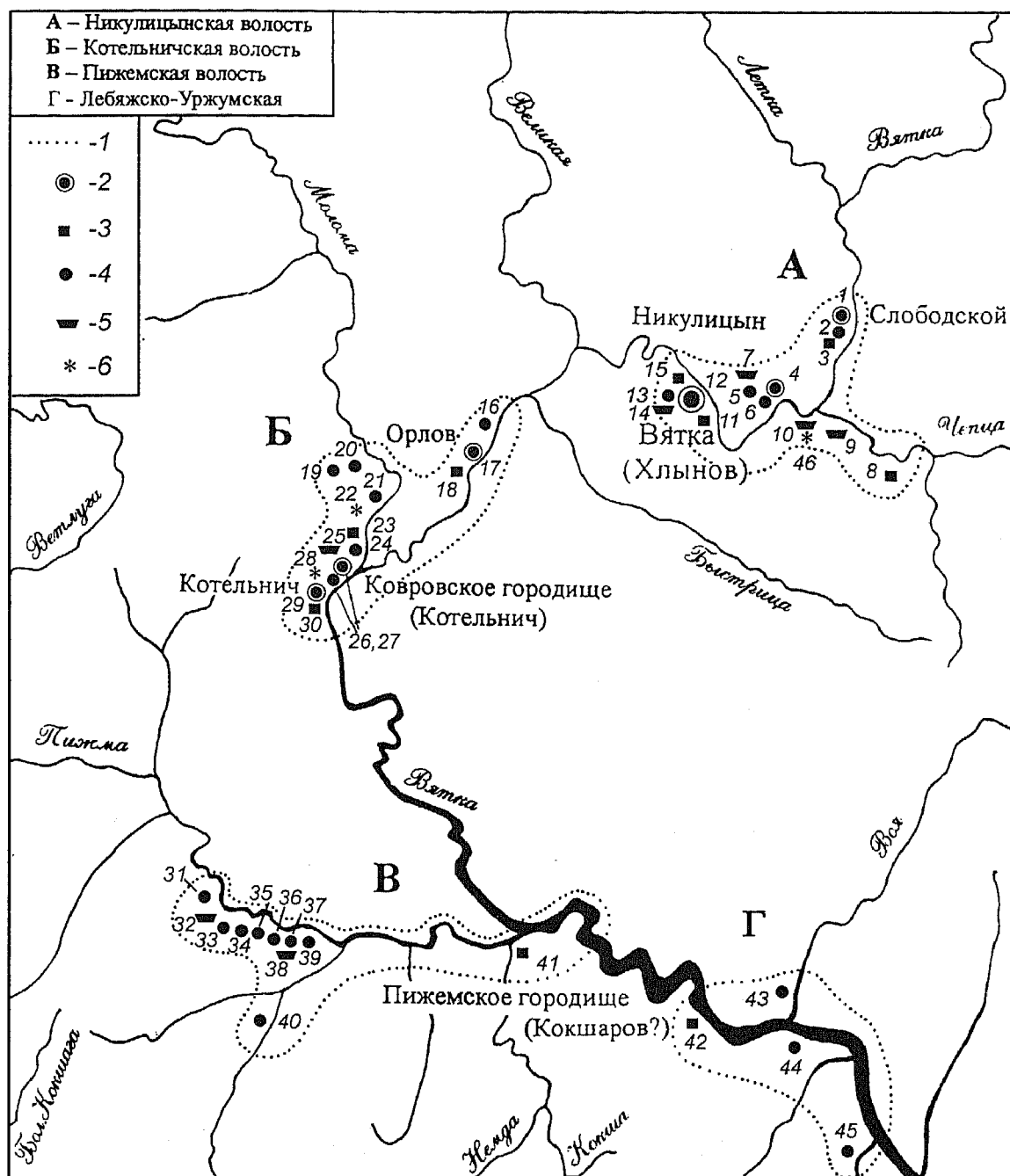

Рис. 1. Археологические памятники Вятской земли XII–XV вв. 1 – предположительные границы волостей; 2 – городские поселения; 3 – городища; 4 – селища; 5 – могильники; 6 – местонахождения. 1 – Слободской; 2 – Родионовское; 3 – Подчуршинское; 4 – Никулицын; 5, 6 – Никульчинские II и IV; 7 – Никульчинский; 8 – Кривоборское; 9 – Северюхинская; 10 – Усть-Чепецкий; 11 – Чижевское; 12 – Хлынов; 13 – Хлыновское; 14 – Хлыновский I; 15 – Вятское; 16 – Большеждановское; 17 – Орлов; 18 – Тороповское; 19 – Вязовое; 20 – Барзичи II; 21 – Спасское; 22 – Нижнекордаковская; 23–25 – Шабалинский; 26 – Ковровское; 27 – Искра; 28 – Искровское; 29 – Котельнич; 30 – Скорняковское; 31 – Еманавское I; 32 – Еманавский; 33,34 – Еманавские IV и II; 35–37 – Покста I–III; 38 – Покста; 39 – Худяковское; 40 – Грековское; 41 – Пижемское; 42 – Лебяжское; 43 – Ботылы IV; 44 – Мысы IV; 45 – Уржумское; 46 – Кирово-Чепецкая.

«татарских» истоков – посуда с рифленой поверхностью шейки и венчика и примесями песка и сухой глины, которая также единична – 51 фрагмент. Она

найдена на отдельных поселениях, находит аналогии с общеболгарской посудой и датируется преимущественно XIV–XVI вв. Часть керамики не впи-

сывается в вышеназванные этнокультурные группы и составляет 7,51%.

В административном отношении Вятская земля предположительно состояла из 4-х волостей:

Никулицынской и Котельничской, которые упомянуты в «Повести о стране Вятской», Пижемской и Лебяжско-Уржумской, выделенных по археологическим материалам (рис. 1).

А.Б. Малышев

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского

Средневековые материалы Алексеевского городища (по результатам раскопок 2006 г.)

Городище было обнаружено в начале XX в. представителем Саратовской учёной архивной комиссии Б.В. Зайковским. С памятника происходит серебряная пластинка с женским изображением, схожая с половецкими каменными изваяниями (Спицин, 1914. С. 104, рис. 39). В разные годы на городище проводили исследования: Б.В. Зайковский, С.Н. Чернов, П.Н. Шишкин, А.А. Кротков, Н.К. Арзютов, И.В. Синицын, Ю.В. Деревягин, Т.А. Хлебникова, О.В. Кочерженко, А.Д. Матюхин, А.И. Юдин, В.В. Тихонов, И.И. Дрёмов, Ю.А. Зеленева, А.Б. Малышев.

Городище является многослойным памятником, где, в том числе, встречаются культурные отложения эпохи средневековья. Здесь были выявлены два грунтовых могильника XIV–XV вв., один на городище, другой – в 0,6 км западнее. Их погребения по обрядности и антропологии (преобладают европеоиды) были предположительно отнесены к древнерусским. В предыдущие годы были исследованы средневековые жилища и керамика, ремесленные изделия (включая наконечник копья) и погребения. По мнению А.И. Юдина, русская посуда может относиться и к домонгольскому времени (Юдин, 2001. С. 55–59, 68–69).

Экспедиция Саратовского госуниверситета проводила раскопки городища в 2006 г. Были исследованы остатки двух хозяйственных сооружений золотоордынского времени. Хозяйственный комплекс «разделочная площадка» содержал обугленные остатки деревянных конструкций, скопление золы, углей, камней, золотоордынской и древнерусской керамики, костей и чешуи рыбы, предметов из железа (пластина, гвоздь, кинжал, крюк).

Ободуоострый железный кинжал без перекрестья имел черешок, плавно расширяющийся и переходящий в основание клинка (рис. 1: 1). Подобные «классические» кинжалы получили распространение в Европе, на Руси и в Волжской Булгарии

XI–XIII вв. (Медведев, 1959. С. 125, 129. Рис. 4, 14; Кирпичников, 1976. С. 73; Измайлов, 1997. С. 56–57; Рис. 29) Данный тип клинков иногда встречался у восточноевропейских кочевников (Захаров, Яворская, 2003. С. 239–240, Рис. 6, 2) и монголов (Худяков, 1991. С. 131–132; Рис. 73, 3, 7), хотя наибольшее распространение у них получили однолезвийные разновидности. Представляется, что клинок, служивший когда-то оружием, относился к болгарскому комплексу вооружения (Измайлов, 1997. С. 56–57; Рис. 29, 2), и вторично использовался в качестве разделочного ножа при обработке рыбы.

Сгоревшие деревянные плахи были деталями конструкции или постройки для разделки рыбы, а железный крюк-вешало предназначался для подвешивания крупной рыбы (рис. 1: 3), а гвоздь – для крепления деревянных конструкций. Жестяная пластинка с загнутым краем могла быть фрагментом металлической ёмкости.

Остатки другого сооружения хозяйственно-жилого характера «приочажный участок наземной постройки», включали несколько объектов (очаг с каменной обкладкой, глиняную сырцовую обмазку дна хозяйственной ямы, скопление кухонных отбросов – костей МРС), связанных между собой. Хозяйственная яма имела круглую форму и могла быть предназначена для кожевенного производства (мездрение шкур). Открытый очаг с массой золы, углей, фрагментов древнерусских корчажек был устроен в неглубокой яме и имел каменную обкладку с западной стороны.

В средневековой керамике древнерусский комплекс (74 %) преобладает над золотоордынским (26 %). Следует отметить условный характер типологии древнерусской керамики городища, так как существует много переходных форм, а однотипные венчики встречаются у различных сосудов (Юдин, 2001. С. 58). В целом русская посуда вписывается